

Екатерины II: «она (Христина) не новосвѣтская госпожа: говоря по Русски брата называетъ братцемъ, а не *mon frèге*, сестру сестрицею, а не *ma soeur*; не знаетъ и другихъ вытверженныхъ, подобно попугаю, словъ, ни кривлянья. Не къ стати не хохочетъ, кушанья за столомъ не называетъ блюдомъ славнымъ и т. п.» *), — подобныя черты невольно приводятъ на мысль отзывъ нашего наблюдательнаго путешественника о современныхъ ему Французскихъ «петиметрахъ». Тонъ ихъ обхожденія, говоритъ онъ, «состоитъ въ томъ, чтобъ говорить грубо, произнося слова отрывисто; ходить переваливаясь, разинувъ ротъ, не смотря ни на кого; смѣяться безъ малѣйшей причины, сколько силъ есть громче. Таковы всѣ нынѣшніе Французскіе петиметры» **).

Только въ XVIII столѣтіи, когда бытъ народа подвергся существеннымъ измѣненіямъ, ярко обозначились и различныя его сферы, такъ что смѣшеніе ихъ служить уже признакомъ недостатка въ образованіи. Странно было бы въ этомъ столѣтіи обыкновеннымъ правиламъ общежитія придавать священное значеніе и въ упражненіи доморощенныхъ моралистовъ видѣть трудъ великихъ учителей церкви. Но это не казалось страннымъ въ тотъ періодъ народнаго развитія, въ который духовныя интересы не были такъ сложны, какъ впоследствии, и одному изъ нихъ предоставлено было повсюдное господство. Подобно быту народному, и вѣрный выразитель его — языкъ удержалъ слѣды преобладанія одного начала. Эти слѣды встрѣчаются не только тамъ, гдѣ самое содержаніе какъ бы вызывало ихъ; но и въ выраженіяхъ поговорочныхъ, при передачѣ мысли вовсе не религіознаго характера. Выраженія въ родѣ слѣдующихъ: *я грѣшный*, *мое тѣло грѣшное* и т. п. имѣютъ свое основаніе въ религіозномъ взглядѣ на предметы. И подобныя выраженія весьма древни въ нашемъ языкѣ. Въ грамотахъ, завѣщаніяхъ и пр. рано сдѣлались они необходимыми, техническими. Въ грамотѣ Смоленскаго Князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила (1150 г.) читаемъ: «Се *язъ грѣшный* сынъ Мстиславъ, надѣяся на Матерь Божью на святую Богородицу, уставляю сію епископью»; «се *язъ худый и грѣшный* и недостойный епископъ Мануилъ, съ благороднымъ и христолюбивымъ княземъ моимъ Михаиломъ, утвержаевъ еже написана, утвержена и сотворена, о благодати и благословеніемъ Святого Духа, и т. д.» ***).

Также сообразно съ тономъ рѣчи выраженіе: *азъ худый* — у преп. Пестора, у Іакова; оно же умѣстно употреблено и Владиміромъ Мономахомъ въ его поученіи. Но иногда эпитетъ: *грѣшный* является вовсе неожиданно, въ рѣчи о предметахъ житейскихъ. Афанасій Никитинъ пишетъ въ своемъ путешествіи: «Ханъ же ѣздитъ на людехъ, а словъ у него и коней много добрыхъ, а людей у него много Хорозанцевъ; а привозятъ ихъ изъ Хоросанскыя земли, а нныя изъ Тукрмескыя земли, а нныя изъ Чеготанскыя земли, а привозятъ все моремъ въ тавахъ, Индѣйскыя земли корабли. И *язъ грѣшный* привезлъ жеребца въ Индѣйскую землю, дошелъ есми до Чюнеря, Богъ далъ поздорову все, а сталъ ми сто рублей» *). То, что было архаизмомъ уже въ XV в., удержалось въ языкѣ даже XVIII столѣтія. Въ запискахъ этого времени можно читать такія извѣстія: «въ мартѣ мѣсяцѣ (1712) посланы мы всѣ малолѣтныя дворяне на смотръ изъ Москвы въ Петербургъ, съ прочими всѣми и *я грѣшникъ*. И поѣхали мы вмѣстѣ съ дядьями моими» **). — Употребленіе въ подобныхъ случаяхъ названія, взятаго изъ области религіи, объясняется вліяніемъ религіознаго воззрѣнія на языкъ, не легко стирающій съ себя печать старины.

Если — возвращаясь къ предъидущему — общій характеръ вѣка отразился въ языкѣ даже въ такихъ случаяхъ, когда мысль вовсе не была проникнута этимъ характеромъ; если внѣшняя форма учтивости, въ понятіи соблюдавшихъ ее, сливалась съ благочестивымъ обычаемъ, — то, понятно, что въ отличеніи твореній вполне религіозныхъ отъ другихъ, имѣющихъ съ первыми нѣчто общее, не могло быть строгой разборчивости. Понятно, почему практическія наставленія Русскихъ умныхъ людей, правила житейской мудрости получали въ рукописяхъ громкія названія твореній І. Златоуста, Василия Великаго, Кирилла Философа, или — собирательно — Св. Отцевъ.

На основаніи всего высказаннаго нами по поводу приведенныхъ образцовъ, и принимая въ соображеніе другіе подобные факты въ нашей древней словесности, мы склоняемся къ выводу, что переписчики и составители сборниковъ и другихъ книгъ имѣли не одно только отрицательное вліяніе на нашу письменность. Правда, между ними попадались и цѣлѣжи, искажавшіе памятники; но были и такіе люди, которые умѣли цѣ-

*) Сочиненія Императрицы Екатерины II. 1849. Томъ II, стр. 30.

**) Сочиненія Фонъ-Визина. 1832, стр. 311.

***) Дополненія къ Актамъ Историческимъ. 1846. Томъ I, стр. 7.

*) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Томъ VI. 1833. стр. 333.

**) Родословная Головиныхъ, собр. П. Казанскимъ. М. 1847. Записки В. В. Головина стр. 44.